

А.В. Соколов

Библиопсихология и ноосфера

Реферат. Актуальность статьи обусловлена необходимостью использования классического наследия библиотековедения для определения роли книги и библиотеки в грядущей ноосфере. В этом аспекте анализируется концепция библиопсихологии, разработанная Н.А. Рубакиным. Объектом библиопсихологии является не традиционное книжное дело, а духовная сфера человека и человечества в целом. Поэтому библиопсихологию правомерно считать обобщающей метатеорией, предмет которой заключается в изучении общих закономерностей смысловой коммуникации и творчества. Концепцию ноосферы В.И. Вернадского развивает дефиниция ноосферы как среды обитания человека будущего (ноосферного человека), образованной постиндустриальной цивилизацией и гуманистической культурой. Охарактеризовано предметное поле учения о ноосфере, включающее три направления: философско-теологическое, утилитарно-технократическое, гуманистическое. Критическое значение для становления гуманистической ноосферы имеет формирование ноосферного человека — человека нового типа. На основании анализа основных законов библиопсихологии и других научно-методических обобщений делается вывод о целесообразности использования наследия Н.А. Рубакина в библиотечно-педагогической деятельности по выращиванию ноосферного человека. Предлагается устаревшую библиопсихологию преобразовать в ноокоммуникологию.

Ключевые слова: библиопсихология, будущее, В.И. Вернадский, книжное дело, ноосфера, ноокоммуникология, педагогика библиотечная, прогноз, Н.А. Рубакин, человек ноосферный.

Для цитирования: Соколов А.В. Библиопсихология и ноосфера // Библиотековедение. 2017. Т. 66, № 4. С. 378—385. DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-4-378-385.

Библиограф-просветитель Н.А. Рубакин (1862—1946), автор библиопсихологии (библиологической психологии), и классик естествознания В.И. Вернадский (1863—1945), основоположник учения о ноосфере, казалось бы, имеют мало общего, помимо отдельных, возможно случайных, совпадений. Так, фактически совпали: даты начала и конца их жизненного пути, генетическая принадлежность к революционному поколению русской интеллигенции, универсальная научная эрудиция и гуманистическое понимание жизни. Даже траектория общественного отношения к их трудам выглядит сходной: безусловное признание в начале пути — тенденциозная критика в 1930—1940-е гг. — замалчивание и архивирование в 1950—1970-е гг. — наконец, продолжающееся поныне постепенное понимание, признание и актуализация научного наследия Н.А. Рубакина и В.И. Вернадского.

Однако по существу обоих титанов русской культуры Серебряного века роднит не внешнее подобие биографической канвы, а неустанный поиск в естественных и социальных науках интегральных закономерностей, управляющих человеком, обществом, Вселенной. Результатами их исследований стали фундаментальные теории о биосфере и ноосфере — вклад В.И. Вернадского в естественные науки; библиопсихология — вклад Н.А. Рубакина в общественные науки. Труды В.И. Вернадского и его последователей раскры-

Аркадий Васильевич Соколов,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
кафедра информационного менеджмента,
профессор
Дворцовая наб., д. 2—4,
Санкт-Петербург, 191186,
Россия

доктор педагогических наук
E-mail:
sokolov1.spb@gmail.com

вают перспективы культурно-исторической эволюции, обуславливающие смысловую коммуникацию в духовной жизни грядущей ноосферы. Поэтому есть повод синтезировать теории классика ноосферы и классика библиотековедения. В настоящей статье планируется обсудить два вопроса: во-первых, анализ классической концепции библиопсихологии; во-вторых, место библиопсихологии в учении о ноосфере.

Анализ классической концепции библиопсихологии

Знакомство с творчеством Н.А. Рубакина показывает, что идея библиологической психологии возникла не на почве абстрактного умозрения,

а в процессе *титанической* (другие эпитеты не подходят) культурно-просветительной библиотечно-библиографической практики. Н.А. Рубакин — автор 280 научно-популярных книг и брошюр, суммарный тираж которых превзошел 20 млн экз.; неутомимый книголюб, освоивший за свою жизнь 200 тыс. книг (невероятно!), страстный библиофил, собравший две громадные библиотеки — одна, петербургская (80 тыс. томов), была подарена в 1907 г. Всероссийской лиге образования; вторая, заграничная (почти 100 тыс. томов), завещана Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина¹ [1]; педагог-разработчик 15 тыс. индивидуальных программ для самообразования (более 20 тыс. читателей-корреспондентов). Титаническая деятельность Н.А. Рубакина раскрыта и проанализирована в многочисленных монографиях, статьях, диссертациях библиотечников и психологов, библиографоведов, психолингвистов и педагогов, где представлены главные направления его научных исследований, а именно: социологическое изучение книги и читателя; педагогическое руководство самообразованием; психологическая теория книжного дела, воплотившаяся в библиопсихологию. Однако вопрос о значимости трудов Н.А. Рубакина для становления ноосферы, будущей среды обитания разумного человечества, никогда в «рубакиноведении» не возникал. Неужели библиопсихология не понадобится разумным потомкам? Неужели в научно-интегральном учении Н.А. Рубакина отсутствуют вековые смыслы, не подвластные капризной злобе дня?

Следует признать, что в наши дни найдется немало «могильщиков книги», готовых ответить положительно. Их аргумент прост и увесист: библиопсихология отомрет, потому что не будет книг. Н.А. Рубакин такого поворота обытий, конечно, не допускал и категорически заявлял: «Пора перестать смешивать книгу как вещь, испещренную черными знаками по белому полю, с книгой как психическим процессом. Литература не есть совокупность книг как материальных вещей, — она представляет собою совокупность психических процессов, да и сама она психический процесс. Книга (и вообще слово) есть могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость, она может и должна им стать и быть. Но пока что огромное большинство человечества не понимает самого процесса книжного влияния, который состоит вовсе не в передаче содержания, а в его возбуждении в читателях и слушателях. Библиологическая психология изучает человека в процессе чтения и слушания чужой речи» [2, с. 38]. Н.А. Рубакин уподобляет библиолога «натуралисту», который изучает читателя, автора или иной «психофизический организм» по его внешним реакциям, причинами которых является «всякая книга, всякая ее фраза, всякое слово этой фразы» [3, с. 21]. Отсюда постоянно декларируемая автором «тесная связь» библиопсихологии с современ-

ными теориями нейрофизиологов и лингвистов, с рефлексологией В.М. Бехтерева и И.П. Павлова, а также стремление реформировать науку о литературе и вообще о книжном деле в одну из отраслей точного знания.

Возникает подозрение, что автор библиопсихологии, в отличие от «могильщиков книги», произвольно использует термин «книга» в расширительно-метафорическом значении, не совпадающем с нормами русского языка. Чтобы не попасть впросак, обратимся к трудам Н.А. Рубакина, излагающим непосредственно основания библиопсихологии. Основные положения учения впервые были опубликованы на русском языке в авторской редакции в 1929 г. под названием «Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию»; в 1977 г. издательство «Книга» выпустило труд Н.А. Рубакина, но с купюрами [3]. Наиболее полное и хорошо комментированное издание «Библиологической психологии» вышло в 2006 г. [2]. Педагогически адаптированный вариант издания 1977 г. содержится в хрестоматии [4, с. 242—341].

Действительно, оказывается, что легендарный книголюб в своей теории подразумевает под книгой «всякое произведение слова — будь то слово печатное, рукописное или устное» [3, с. 22]. Ясно, что текст на мониторе компьютера для широко мыслящего Н.А. Рубакина является «книгой», в то время как догматики-библионигилисты такого поворота мысли не допускают. *Библиопсихологию* автор определил как «психологию книжного дела в процессе его эволюции и диссолюции, то есть развития и упадка, в связи с условиями окружающей социальной среды — места и времени» [2, с. 40]. В соответствии с принятым им метафорическим пониманием книги, Н.А. Рубакин трактовал *книжное дело* как «совокупность трудовых процессов производства, круговращения и потребления ценностей печатного, рукописного и устного слова»; в это понятие он включал также такие социально-коммуникационные явления, как «произведения драматического искусства, музыки, живописи и вообще пластики (до «выразительного человека» включительно), пение и мелодекламация, фотография и кинематография, психология литературы и литературная жизнь, лингвистика и филология» [3, с. 25].

Нельзя не заметить, что содержание книжного дела отнюдь не исчерпывается социальной коммуникацией, ибо включает многочисленные *творческие процессы*. Н.А. Рубакин их перечисляет: «...1) творчество языка, все формы этого творчества; 2) новые литературные формы, в которых творчество языка воплощается; 3) творчество материальных субстратов (книг, брошюр, листов, писем и др. рукописей); 4) творчество идей, чувств, стремлений в процессе чтения и слушания, потому что весь процесс читательства — процесс творческий; 5) творчество новых форм жизни, соци-

альной и индивидуальной, под влиянием чтения и слушания; 6) процесс создания читательства и читателей и процесс превращения некоторых из них в писателей» [3, с. 28]. В итоге объектами изучения библиопсихологии становятся все интеллектуальные процессы, происходящие в сознании личности и в общественном сознании вместе с их природно-биологической основой. Возникают вопросы. Конечно, книгопроизводство (творчество книг, брошюр и пр.) резонно включить в книжное дело, но почему «творчество языка» или «творчество новых форм социальной и индивидуальной жизни» причислены к процессам книжности? Почему работниками книжного дела Н.А. Рубакин объявил «как автора, так и читателя, как наборщиков, так и редакторов, как переплетчиков, так и книгопродавцов, и рассказчиков, и декламаторов, и рецензентов и т. д.» [3, с. 28], т. е. всех без исключения членов человеческого общества?

Ответ прост. Объектом библиопсихологии Н.А. Рубакина является не книжная отрасль индустриальной цивилизации, как представляется поверхностному взгляду², а духовная сфера человека и человечества в целом, включающая рациональные, эмоциональные, волевые процессы, традиционно изучаемые психологией, и процессы коммуникации и творчества, изучаемые в наши дни культурологией. Именно эту сферу библиофил именуется «книжным делом» и связывает с ней «объективные закономерности» библиопсихологии. Для выявления этих закономерностей он советует «собрать, систематизировать, использовать, во-первых, данные естествознания и математики, во-вторых, данные гуманитарных (общественных, философских, исторических) наук, в-третьих, данные филологии и лингвистики, в-четвертых, данные библиографии и библиологии, в-пятых, — различных прикладных наук, наконец, в-шестых, — всех отраслей современной психологии» [3, с. 39]. Таким образом, библиопсихология интерпретируется Н.А. Рубакиным как *обобщающая метатеория, выявляющая основные закономерности коммуникации и творчества в духовной сфере человека и человечества.*

В метатеоретических обобщениях нет временных ограничений, поэтому их можно распространить на первобытные дописьменные общины, они должны присутствовать и в будущих цивилизациях, если там сохранятся устная речь, духовное творчество и документальная коммуникация в форме электронных, квантовых или нано-сообщений. Надо полагать, что не читающие книг пользователи «Интернета вещей» не избавятся от библиопсихологических реакций, свойственных русской читающей публике XIX века. Возникает, однако, терминологическое неудобство, поскольку метатеоретический масштаб теории Н.А. Рубакина не согласуется с приставкой «библио». Ведь эта теория изначально вышла за традиционные пределы книжности. Поэтому вместо дезориен-

тирующего «библио» желательно использовать более точный термин, чтобы «осовременить» тексты классика. Оценим альтернативы.

Есть предложение отождествить библиопсихологию с «психосемантической (психо-семиологической) гносеологией» [2, с. 9]. Это предложение неудачно, потому что оно акцентирует познавательный процесс и вуалирует коммуникацию. Соблазнительно заменить «библио» общенаучной категорией «информация», что раскрывает выход на информационную культуру личности [5] и общение, опосредованное компьютером, включая проблему «Психология и Интернет» [6]. Но здесь книжное дело заслоняется информационной деятельностью. Наконец, почему бы не использовать термин «ноокоммуникация» для обозначения смыслового (семантического, духовного, психического) общения между разумными людьми, и тогда библиопсихологию логично переименовать в «ноокоммуникалогию». Тем более, что последний термин уже получил хождение: Ю.П. Буданцев в 1995 г. опубликовал пособие для журналистов [7], а 15 лет спустя Г.Н. Швецова-Водка подготовила солидное научно-практическое исследование, где метатеория социальной информатики именуется ноокоммуникалогией [8, с. 324]. Главное достоинство последней альтернативы заключается в том, что она создает возможность для интегрирования метатеоретической библиопсихологии Н.А. Рубакина и учения о ноосфере В.И. Вернадского. Этот синтез имеет решающее значение для библиофутурологии [9], ибо гарантирует существование библиотечно-библиографического института в грядущем ноосферном обществе. Для того, чтобы удостовериться в продуктивности подобной научной ассоциации, обратимся к определению возможного места библиопсихологии в учении о ноосфере.

Место библиопсихологии в учении о ноосфере

Прежде всего уточним понятие о ноосфере. В.И. Вернадский начал использовать термин «ноосфера» с 1936 г., понимая ее как неизбежную, естественную стадию развития биосферы Земли, по достижении которой окружающая человека природа будет рационально преобразована научной мыслью и коллективным трудом для удовлетворения растущих потребностей человечества. В отличие от геохимии, биогеохимии, биосферы, которым посвящены многочисленные публикации, ставшие классикой естествознания, академик В.И. Вернадский не успел оформить свои размышления о ноосфере в виде монографии или учебника. Прижизненно были опубликованы только «Несколько слов о ноосфере», но которые поистине «томов премногих тяжелей», потому что в них выражена квинтэссенция естественнонаучной концепции ноосферы В.И. Вернадского [10].

Здесь нашли отражение два близких ему духовных устоя русской интеллигенции: во-первых, приоритет научной истины; во-вторых, преданность гуманистическим идеалам.

Приоритет научного познания выразился в следующих утверждениях. Благодаря цефализации, развитию разума и разумного труда, человек сделался крупнейшей геологической силой, способной управлять биосферой в собственных интересах. Он узнал и охватил всю биосферу, завершил географическую карту Земли и расселился по всей ее поверхности; в будущем он, вероятно, выйдет за пределы своей планеты в космическое пространство. Единство человечества обеспечивается тем, что в силу биологического закона все расы скрещиваются между собой и дают плодотворное потомство, а пространственная общность достигается за счет радиосвязи и авиации.

Интеллигентский гуманизм обусловил оптимистическую убежденность автора, что в эпоху ноосферы произойдут коренные изменения не только «лика планеты», но и исторического процесса. В.И. Вернадскому видилась идиллия, когда «впервые в истории человечества интересы народных масс — всех и каждого — и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости». Вместе с тем он предупреждает: «В истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление» [11, с. 240]. Это предупреждение естественно в устах интеллигента-ученого, для которого наука неотделима от этики и социальной ответственности. Увлекательное повествование о «мирах Вернадского от кристалла до ноосферы» содержится в антологии литературы о В.И. Вернадском за сто лет (1898—1998) [12].

Итак, в концепции ноосферы академика присутствует дихотомия (раздвоение): с одной стороны, признание грандиозных достижений научной мысли, сделавших человечество геологической силой, влияющей на эволюцию природы; с другой — небезосновательные опасения безумного самоуничтожения (напомним, что идею ноосферы автор вынашивал во время жесточайшей мировой войны). В настоящее время обострились противоречия техногенных цивилизаций, обусловленные абсурдным сочетанием научно-технического прогресса с насилием, мировыми войнами, экологическим кризисом, угрожающими летальным исходом всему человечеству. Вместе с тем гуманистически настроенные ученые и культурологи не устают выдвигать гипотетические концепции ноосферы, развивая идеи В.И. Вернадского и его современника П. Тейяра де Шардена (1881—1955), христианского философа, антрополога и палеонтолога, который называл себя «паломником в будущее», решающим задачу синтеза христианского Откровения и научного знания [13].

Обобщая взгляды различных авторов, сформулируем нашу гипотезу ноосферы.

Ноосфера — обусловленная космической эволюцией экологическая среда человека будущего, образованная постиндустриальной цивилизацией и гуманистической культурой. В этой дефиниции отражены следующие общие свойства ноосферы: происхождение (закономерно обусловлено космической эволюцией); место и время (экологическая ниша будущего человечества); противоречия (цивилизация и культура, техника и человек).

Эта дефиниция позволяет на вопрос «что есть ноосфера?» дать три принципиально разных ответа:

- разумная оболочка Земли; феномен естественной эволюции биосферы;
- постиндустриальная цивилизация интеллектуалов-рационалистов, включающая искусственный интеллект;
- гуманистический идеал, утопия Разума, Добра, Справедливости.

Современное предметное поле учения о ноосфере (множество изучаемых проблем) состоит из трех научно-исследовательских направлений.

Философско-теологическое направление нацелено на познание сущности феномена ноосферы как генетического продукта космической мегаэволюции Вселенной. Первооткрывателями этой области фундаментальной научной мысли явились П. Тейяр де Шарден и В.И. Вернадский. Успехи философско-теологического направления имеют большое мировоззренческое значение, но они далеки от коммуникационной практики.

Утилитарно-технократическое направление ориентировано на развитие техносферы в условиях рыночной экономики. Эта область прикладной науки и техники традиционно пользуется поддержкой государства (особенно военно-промышленного комплекса) и коммерческих транснациональных корпораций, которые руководствуются не столько бескорыстной жадностью знания, сколько стремлением к дальнейшему умножению материальной мощи постиндустриальной цивилизации. Экстремистским соблазном утилитарного технократизма является *трансгуманизм*. С 1998 г. действует Всемирная трансгуманистическая ассоциация, объединяющая более 3 тыс. членов, в России с 2003 г. функционирует Российское трансгуманистическое движение. Трансгуманисты, утверждающие, что современный человек является не вершиной, а, скорее, началом эволюции рода человеческого, рассчитывают с помощью нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий выйти за пределы естественных человеческих кондиций. Речь идет о переконструировании биологического тела человека вплоть до создания киборгообразного и бессмертного «постчеловека», превосходящего умственными способностями натуральную человеческую особь. Проблема построения ноосферы

в контексте трансгуманизма снимается, поскольку выработанные людьми культурные идеалы и нормы не будут действовать в обществе киборгов. Бессмертный киборг не будет нуждаться ни в биосфере, ни в социосфере, ибо средой его обитания станет сотворенная им техносфера.

Гуманистическое направление призывает сосредоточиться не на производстве «постчеловеческих киборгов», а на выращивании популяции «ноосферных людей», способных создать ноосферу (сферу разума) в качестве нового этапа культурно-исторической эволюции. Гуманисты озабочены тем, что обнажились антагонистические противоречия между Добром и Злом, Разумом и Глупостью, Природой и Техникой, которые сопровождали человечество на всех этапах его культурно-исторической эволюции. Зло и Глупость возникали не самопроизвольно, а их творили «человек экономический», «человек техногенный», «человек информационный». Добро и Разум также не могут образоваться стихийно. Для преодоления глобального «кризиса человечности» требуется вырастить доброго и умного «ноосферного человека», носителя гуманистической культуры, необходимой для создания гипотетической Ноосферы Добра и Разума. Именно «ноосферный человек» — это, полагал В.И. Вернадский, та «геологическая сила», которая способна выполнить экологическую функцию по отношению к биосфере и гуманистическую функцию по отношению к социосфере. Следовательно, *выращивание человека ноосферного* — ключевая проблема построения ноосферы, которая представляет собой задачу не биологическую, не политическую, а педагогическую, ибо ее нельзя решить декретами власти. Ни Госдума, ни правительство, ни президент не могут сотворить своими директивами «человека ноосферного», хотя могут содействовать его появлению.

Модели человека, сменявшие друг друга в процессе культурно-исторической эволюции, формировались социально-коммуникационными институтами. Традиционно к ним относят: церковь во всем многообразии конфессий, учений и сект; образование (все виды школьных и внешкольных образовательных учреждений); документосферу, включающую библиосферу, музеи, архивы. В XX в. присоединилась информационная сфера, состоящая из печатных и электронных изданий, радиовещания, телевидения, Интернета. К сожалению, практики и теоретики социально-коммуникационных институтов, имея в виду образовательную, просветительскую, воспитательную, информационную функции, никогда не ставили целью выращивание человека ноосферного, и поэтому социально-психологических моделей творцов и обитателей ноосферы у нас нет. Нужно их создавать. Каким образом? Вот здесь-то и оказываются полезными закономерности и методические рекомендации, содержащиеся в библиопсихологии Н.А. Рубакина. Что имеется в виду?

Прежде всего, живой ноосферный человек должен отличаться от роботов, киборгов и трансгуманистических «постчеловеков» тем, что он не только владеет определенным запасом прикладных знаний и умений, но и приобщен к *мудрости веков*, содержащейся в книжном наследии человечества. Культ книги и чтения, который неустанно исповедовал Николай Александрович, должен пронизывать духовную жизнь ноосферы, а девиз «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость», начертанный на экслибрисе Н.А. Рубакина, должен войти в этический кодекс ноосферы. Просветительский пафос, одухотворявший титаническую деятельность интеллигента-книжника, необходимо сохранить в условиях постиндустриальной цивилизации, учитывая действие основных законов библиопсихологии. Перечислим эти законы.

Первый закон. Биологической основой всех библиопсихологических явлений является *мнема* (от греч. *μνημη* — память). Термин «мнема» Н.А. Рубакин заимствовал из физиологии, где он обозначает способность протоплазмы, или живой клетки, впитывать, сохранять и передавать впечатления, *engramme* [14], энграмма — след, оставленный повторным воздействием раздражителя. В библиопсихологии раздражителями являются слово, речь, книга, а воспринимающим «живым веществом» — слушающий или читающий человек. Благодаря использованию физиологической терминологии учение о книжном деле обретает биологический фундамент, что подтверждает его метатеоретический статус. Теперь чтение и слушание чужой речи понимаются как «мнематические явления», представляющие собой «чрезвычайно сложный психический процесс воспроизведения реальности под влиянием раздражений, идущих к нам от букв и звуковой речи, от слов и фраз и вообще от текста» [5, с. 97]. «Мнематический» подход используется и в остальных основных законах.

Второй закон. Слова, фраза, книга суть не передатчики, а возбудители психических переживаний в каждой индивидуальной мнеме. Смыслы, которые писатель, исходя из личной мнемы, вкладывает в свое произведение, а оратор — в свою речь, воспроизводятся читателями или слушателями, исходя из их собственных мнем, и совпадение их невозможно, поскольку каждый человек имеет свою оригинальную мнему. Отсюда следует: «Сколько у книги читателей, столько у нее и содержаний» [2, с. 106]. В самом деле, мысль рождается в голове живого человека и ее нельзя пересадить в голову другого человека без потери и искажения смысла.

Третий закон. Источниками формирования мнем являются: наследственность; социальная среда, или коллективный опыт человечества; личный опыт индивида. По наследству передаются эмоции (страх, гнев и т. д.), инстинкты, безуслов-

ные рефлекс; социальная среда — источник условных рефлексов, привычек, интеллектуальных эмоций (этических, эстетических и пр.); индивидуальная мнема формируется в процессе индивидуальной жизнедеятельности.

Четвертый закон. Печатное, рукописное и устное слово понимаются положительно или отрицательно в зависимости от того, какие эмоциональные установки преобладают в читателе или слушателе. Если человек чувствует сильную симпатию к тому, кто излагает чуждые ему или даже противоположные идеи, он с ними согласится. Эмоциями определяются такие интеллектуальные процессы, как внимание, воображение, запоминание, интерес, а также волевые процессы — стремления, желания, хотения. Следовательно, эмоциональный элемент играет в коммуникации первенствующую роль, а интеллектуальный и волевой — вторичны [2, с. 142—143].

Пятый закон. Воздействие книги на читателя зависит от близости мнемы автора и мнемы читателя, поскольку литературное произведение оказывает наиболее сильное действие на того читателя, психическая организация которого наиболее сходна с психической организацией автора этого произведения [2, с. 279].

Перечисленные законы не имеют ограничений по времени или месту, а действуют в любую эпоху и в любой стране. Они являются выраженными в биологической и психологической терминологии *общечеловеческими законами смысловой коммуникации*. Следовательно, ноосферные люди, до тех пор пока они останутся живыми представителями рода человеческого, будут общаться друг с другом в соответствии с законами библиопсихологии, сформулированными Н.А. Рубакиным. Конечно, презентация законов, их предпосылок и следствий, сделанная в сочинениях автора, старомодна и нуждается в модернизации. Но глубинные смыслы учения Н.А. Рубакина вовсе не устарели, а предложенные им методические рекомендации по-прежнему актуальны. Приведем один пример.

Современные социологи и педагоги часто обращают внимание на то, что ускоряющийся научно-технический и социальный прогресс вынуждает профессиональных работников существовать в режиме постоянного доучивания, переучивания и переквалификации. Человек ноосферный, несомненно, — это человек образованный, и непрерывное образование — категорический императив ноосферы. Фактически имеется в виду постоянное *самообразование*, а не школьное обучение, пусть даже дистанционное в режиме онлайн.

В связи с самообразованием нельзя не вспомнить, что педагогика самообразовательного чтения всегда занимала приоритетное место в творчестве Н.А. Рубакина. Ей посвящены книги «Письма к читателям о самообразовании» (1911, 1913, 1919), «Практика самообразования (Среди книг и читателей)» (1914, 1919) и другие публикации

[15]³. Даже прославивший его имя монументальный рекомендательно-библиографический труд «Среди книг» (первое издание в одном томе, содержавшее около 7,5 тыс. описаний, вышло в 1906 г., второе издание в трех томах, учитывавшее более 20 тыс. описаний, появилось в 1911—1915 гг.) педагог-просветитель назвал «опыт справочного пособия для самообразования» [16]. Обращаясь к библиотекарям и другим «работникам книжного дела», Н.А. Рубакин призывал их «содействовать самообразованию масс», ибо «самообразование — характерное явление наших дней, это знамение нашего времени», а книги «представляют собой страшную силу, которая служит истине и справедливости» [15, т. 1, с. 126, 139]. В то же время каждый человек нуждается не в любом издании, циркулирующем на книжном рынке, а в тех произведениях, которые наиболее полно соответствуют его психологическому строю, т. е. мнеме. Отсюда руководящий принцип библиотечной деятельности: каждому читателю — его книгу, каждой книге — ее читателя; Ш.Р. Ранганатан (1892—1972) включил его в число «Пяти законов библиотечной науки», сформулированных им в 1931 г. [17]. Этот принцип был развернуто обоснован Н.А. Рубакиным в научно-библиологическом очерке «Книжные богатства, их изучение и распространение», включенном в качестве теоретического введения в первый том второго издания «Среди книг» (1911). Как практически реализовать провозглашенный принцип? Библиопсихология как учение о библиологической психологии читателя и книги задумывалась в качестве ответа на данный вопрос.

Не будем останавливаться на других актуальных рекомендациях, затронутых Н.А. Рубакиным, например, «прежде, чем исследовать какой-либо объект книжного дела, необходимо исследовать самого исследователя» [3, с. 87] или три ступени библиопсихологического исследования книги, непосредственно смыкающиеся с аналитической философией Л. Витгенштейна (1889—1951) и Б. Рассела (1872—1970) [18]. Завершим разговор о библиопсихологии уточнением ее объекта и сакраментальным вопросом: как ее теперь называть?

Как показано выше, классическая библиопсихология интерпретируется ее автором как *обобщающая метатеория, выявляющая основные закономерности коммуникации и творчества в духовной сфере человека и человечества*. Однако среди основных законов библиопсихологии не удалось обнаружить законы творчества, т. е. создания новых ценностей. Все законы и методические рекомендации, присутствующие в трудах Н.А. Рубакина, имеют дело со смысловой коммуникацией (чтение, устный диалог), а не с творческими процессами. Поэтому есть основание уточнить объект метатеории путем исключения из его состава элемента «творчество». Подобная

редукция не означает, что мы недооцениваем творчество. Напротив, понимая творчество как «превращение смысла известных знаний об окружающем мире в ранее никому не известную объектную новизну» [19, с. 380], мы считаем, что оно заслуживает специальной метатеории.

Теперь о названии. Смысловая коммуникация, если обратиться к греческому языку, есть *ноокоммуникация*. Ноосфера как среда обитания популяции нового типа не может существовать без ноокоммуникации. Отсюда вывод: выращивание человека ноосферного требует формирования *ноокоммуникологии* как обобщающей метатеории ноокоммуникации XXI в., которая должна прийти на смену классической библиопсихологии, отражающей реалии начала XX столетия. Дефиниция ее может выглядеть так: *ноокоммуникология — обобщающая метатеория, выявляющая основные закономерности смысловой коммуникации в духовной сфере человека и человечества*. Достоинство этого определения видится в том, что в отличие от определений Ю.П. Буданцева [7] и Г.Н. Швецово-Водки [8], оно не ограничивает объект ноокоммуникологии массовой информацией или даже социальной информацией, а распространяет его на духовную сферу человека и человечества, которая по существу и является ноосферой. Тем самым решается вопрос о месте ноокоммуникологии (бывшей библиопсихологии) в грядущей ноосфере.

Примечания

- ¹ Сын Н.А. Рубакина писал о «характерной черте» своего отца: «Он не любил покупать книги. Но и продавать книги он не терпел, у него была какая-то уверенность в том, что книга не должна быть предметом купли-продажи, а только предметом распространения и чтения» [1, с. 55—56].
- ² Объект (объем) библиопсихологии Н.А. Рубакин определял так: 1) процессы создания ценностей печатного, рукописного и устного слова; 2) процессы их циркуляции в социальной среде; 3) процессы их утилизации [3, с. 26]. Говоря современным языком, имеются в виду творчество и коммуникация.
- ³ Уместно отметить, что в 1919—1920 гг. в условиях гражданской войны и разрухи Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов переиздал 22 научно-популярные книжки Н.А. Рубакина тиражом 1 420 000 экз. [15, т. 1, с. 16].

Список источников

1. Рубакин А.Н. Рубакин (Лецман книжного моря). Москва : Молодая гвардия, 1967. 175 с.
2. Рубакин Н.А. Библиологическая психология. Москва : Академический Проект : Трикста, 2006. 800 с.
3. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. Москва : Книга, 1977. 264 с.
4. Рубакин Николай Александрович : хрестоматия / авт.-сост. В.А. Бородина, С.М. Бородин. Москва : РШБА, 2014. 424 с.
5. Гендина Н.И., Косолапова Е.В. Основы информационной культуры школьника : учеб.-метод. комплекс. Москва : РШБА, 2014. 208 с.
6. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. Москва : Акрополь, 2010. 439 с.
7. Буданцев Ю.П. Очерки ноокоммуникологии : (Массовая коммуникация в ноосфере). Москва : Изд-во МНЭПУ, 1995. 179 с.
8. Швецово-Водка Г.Н. Документ в свете ноокоммуникологии : науч.-практ. пособие. Москва : Литера, 2010. 384 с.
9. Соколов А.В. Библиофутурология: предмет и метод // Библиотекосведение. 2015. № 6. С. 23—29.
10. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. Т. 18, № 2. С. 113—120.
11. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Научная мысль как планетное явление. Москва : Наука, 1991. С. 235—244.
12. В.И. Вернадский: pro et contra / под ред. А.Л. Яншина. Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. 872 с.
13. Семенова С.Г. Паломник в будущее : Пьер Тейяр де Шарден. Санкт-Петербург : РХГУ, 2009. 672 с.
14. Мнema [Электронный ресурс] // Философский словарь : сайт. URL: <http://www.harc.ru/slovar/1300.html> (дата обращения: 02.06.2017).
15. Рубакин Н.А. Избранное: в 2 т. Москва : Книга, 1975. Т. 1. 224 с. ; Т. 2. 280 с.
16. Рубакин Н.А. Среди книг : Опыт обзора рус. кн. богатств в связи с историей науч.-филос. и лит.-обществ. идей : справ. пособие для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразоват. б-к, а также кн. магазинов. 2-е изд., доп. и перераб. Т. 1—3. Москва : Наука, 1911—1915.
17. Библиотечная энциклопедия. Москва : Пашков дом, 2007. С. 847.
18. Никоненко С.В. Аналитическая философия: основные концепции. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2007. 546 с.
19. Худяков В.Л. Творчество. Тезаурус операциональной теории. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. 464 с.

Bibliopsychology and Noosphere

Arkadiy V. Sokolov,

St. Petersburg State Institute of Culture, 2—4 Dvortsovaya Nab., St. Petersburg, 191186, Russia

E-mail: sokolov1.spb@gmail.com

Abstract. Relevance of the article is driven by the necessity of using the library science classical heritage to determine the role of books and libraries in the future noosphere. In this aspect, there is analysed the concept of bibliopsychology developed by N.A. Rubakin. The object of bibliopsychology is not a traditional book publishing, but the spiritual sphere of human and humanity in general. Therefore, bibliopsychology is legitimately to be considered a general meta-theory, the object of which is study of general patterns of the semantic communication and creativity. V.I. Vernadsky concept of noosphere develops the definition of noosphere as living environment of man of future (noosphere human), formed by post-industrial civilization and humanistic culture. There is characterized the subject area of noosphere, which includes three directions: philosophical-theological, utilitarian-technocratic, and humanistic. Critical to the formation of humanistic noosphere is forming of a noosphere human — human of a new type. On the grounds of analysis of the basic laws of bibliopsychology and other scientific and methodological generalizations there is made the conclusion on expediency of use of N.A. Rubakin heritage in library-pedagogic activities on forming the noosphere human. It is proposed to transform the outdated bibliopsychology to neocommunicology.

Key words: Bibliopsychology, Future, V.I. Vernadsky, Book Publishing, Noosphere, Neocommunicology, Library Pedagogics, Prognosis, N.A. Rubakin, Noosphere Human.

Citation: Sokolov A.V. Bibliopsychology and Noosphere, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science], 2017, vol. 66, no. 4, pp. 378—385. DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-4-378-385.

References

1. Rubakin A.N. *Rubakin (Lotsman knizhnogo morya)* [Rubakin (Marine Pilot of the Book Sea)]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1967, 175 p.
2. Rubakin N.A. *Bibliologicheskaya psikhologiya* [Bibliological Psychology]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Triksa Publ., 2006, 800 p.
3. Rubakin N.A. *Psikhologiya chitatelya i knigi* [The Psychology of the Reader and the Book]. Moscow, Kniga Publ., 1977, 264 p.
4. Borodina A.V., Borodin S.M. (eds). *Rubakin Nikolai Aleksandrovich: khrestomatiya* [Rubakin Nikolai Aleksandrovich: chrestomathy]. Moscow, RShBA Publ., 424 p.
5. Gendina N.I., Kosolapova E.V. *Osnovy informatsionoi kul'tury shkol'nika: ucheb.-metod. kompleks* [The Foundations of the Information Culture of School Student: educational and methodical complex]. Moscow, RShBA Publ., 2014, 208 p.
6. Voiskunsky A.E. *Psikhologiya i Internet* [Psychology and the Internet]. Moscow, Akropol' Publ., 2010, 439 p.
7. Budantsev Yu.P. *Ocherki nookommunikologii: (Massovaya kommunikatsiya v noosfere)* [The Essays of Nocommunication: (Mass Communication in the Noosphere)]. Moscow, MNEPU Publ., 1995, 179 p.
8. Shvetsova-Vodka G.N. *Dokument v svete nookommunikologii: nauch.-prakt. posobie* [The Document in the Light of Nocommunication: scientific and practical guide]. Moscow, Litera Publ., 2010, 384 p.
9. Sokolov A.V. *Bibliofuturologiya: predmet i metod* [Bibliofuturology: the Subject and Method], *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science], 2015, no. 6, pp. 23—29.
10. Vernadsky V.I. *Neskol'ko slov o noosfere* [A Few Words about the Noosphere], *Uspekhi sovremennoi biologii* [Biology Bulletin Reviews], 1944, vol. 18, no. 2, pp. 113—120.
11. Vernadsky V.I. *Neskol'ko slov o noosfere* [A Few Words about the Noosphere], *Vernadskii V.I. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Vernadsky V.I. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 235—244.
12. Yanshin A.L. (ed.) *V.I. Vernadsky: pro et contra*. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2000, 872 p.
13. Semyonova S.G. *Palomnik v budushchee: P'er Teiyar de Sharden* [Pilgrim into the Future: Pierre Teilhard de Chardin]. St. Petersburg, RKhGU Publ., 2009, 672 p.
14. Mnema [Mneme], *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary]. Available at: <http://www.harc.ru/slovar/1300.html> (accessed 02.06.2017).
15. Rubakin N.A. *Izbrannoe: v 2 t.* [Selected Works: in 2 volumes]. Moscow, Kniga Publ., 1975, vol. 1, 224 p., vol. 2, 280 p.
16. Rubakin N.A. *Sredi knig: Opyt obzora rus. kn. bogatstv v svyazi s istoriei nauch.-filos. i lit.-obshchestv. idei* [Among the Books: The Experience of Reviewing Russian Book Treasures in Connection with the History of Scientific-Philosophical and Literary-Social Ideas], vol. 1—3. Moscow, Nauka Publ., 1911—1915.
17. *Bibliotekhnaya entsiklopediya* [Library Encyclopedia]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2007, pp. 847.
18. Nikonenko S.V. *Analiticheskaya filosofiya: osnovnye kontseptsii* [Analytic Philosophy: The Basic Concepts]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2007, 546 p.
19. Khudyakov V.L. *Tvorchestvo. Tezaurus operatsional'noi teorii* [Creativity. The Thesaurus of Operational Theory]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, 464 p.